

Б.Ф. Поршнев

**Франция, Английская
революция и европейская
политика в середине XVII в.**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 32
ББК 66
Б11

Б11 **Б.Ф. Поршнев**
Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. /
Б.Ф. Поршнев – М.: Книга по Требованию, 2013. – 388 с.

ISBN 978-5-458-39608-0

ISBN 978-5-458-39608-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОТ АВТОРА

Впервые об отражении Английской революции XVII в. во Франции я прочел доклад в Институте истории АН СССР в феврале 1941 г. Позже, в 1951—1957 гг., я подробно осветил эту тему в цикле статей («Средние века», вып. III и VIII; Сб. «Из истории общественных движений и международных отношений»), а также более кратко в виде главы в коллективном труде «Английская буржуазная революция XVII в.», 1954. Одновременно под моим руководством Б. Л. Модель написала диссертацию «Отражение Английской революции в прессе Фронды». У нас почти не было предшественников — можно назвать разве лишь Ж. Асколи. Зато у нас есть продолжатель: на XIII Международном конгрессе историков боннский профессор Ст. Скальвейт будет читать доклад на ту же тему.

Из остального текста данной книги некоторые части также были опубликованы в журналах и сборниках, а ее содержание в целом нашло известное отражение в моем докладе на XI Международном конгрессе историков.

Таким образом, книга рождалась около 30 лет, и фрагменты ее представляли перед глазами специалистов почти 20 лет. Она в свою очередь является частью задуманного и подготовленного в те же годы целого; об основных итогах сей эпопеи и было рассказано в упомянутом докладе в Стокгольме в 1961 г., а также в цикле лекций в Коллеж де Франс в Париже в 1967 г. Однако данной части придан характер вполне самостоятельной монографии. Она увязана с остальными лишь в форме «Заключения».

В свою очередь «Введение», посвященное проблеме социологии международных отношений, входит в цепь исследований и печатных выступлений автора как социолога. Первый параграф был представлен на Международном конгрессе по социологии в Эвиане

в 1966 г. (русский текст опубликован в сборнике «От Аляски до Огненной Земли». М., 1967). Второй параграф напечатан в сборнике «Историческая наука и некоторые проблемы современности» (М., 1969).

Теперь все это органически соединилось, хотя может быть где-нибудь и уловимы рубцы.

На разных этапах работы над этой книгой оказали помощь И. И. Громова, А. С. Кан, К. Э. Кирова, Е. Д. Романова, М. Н. Соколова, Е. А. Телишева, И. З. Тираспольская, Г. С. Черткова; приятный долг — публично поблагодарить их. Спасибо и всем, поделившимся своими советами, а также руководству сектора истории Франции и бывшего сектора методологии истории Института всеобщей истории АН СССР за содействие появлению этой книги.

Ноябрь 1969 г.

1.

ВВЕДЕНИЕ. ПРОБЛЕМА СОЦИОЛОГИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

1. Полемика с Раймоном Ароном

Сочетание слов «социология международных отношений» тесно связано с именем широко известного французского социолога Раймона Арона. Хотя ниже нам предстоит заниматься международными отношениями XVII в., начать стоит с его идей, ориентированных на вторую половину XX в., на современность. Ведь любые теоретические искания подстегиваются «кислородным голоданием» сегодняшнего дыхания.

«Планетарная система в термоядерный век» — таков главный предмет, главный прицел солидного исследования профессора Раймона Арона. Оно представляет попытку дать теоретический фундамент для ответов на коренные вопросы отношений политических систем на нашей планете в эпоху термоядерного оружия.

В 1954 г. Раймон Арон в статье «Об анализе дипломатических констелляций» впервые провозгласил возможность социологии международных отношений. В 1961 г. он завершил обширный труд об этой новой отрасли социологии под названием «Мир и война между народами»¹. Это теоретическое исследование Р. Арона вызвало повсюду большой интерес, в том числе весьма содержательные рецензии на страницах журнала «Annales»².

Раймон Арон — француз. Но данная его работа нимало не связана с состоянием и традициями французской науки³. Книга Р. Арона написана в США, с помощью субсидий американских научных фондов (о чем автор пишет в предисловии). Но самое главное — она представляет как бы вершину в целой цепи работ американских авторов, отчасти подготовивших концепцию Р. Арона, отчасти продолжавших и развивавших ее в дальнейшем. Таковы книги Моргентаву (1960), Вольферса (1952), Спрута (1962),

¹ R. Aron. Paix et guerre entre les nations. Paris, 1962.

² «Annales» (Paris), 1962, № 1, p. 119—132.

³ См., например, P. Renouvin, J.-B. Duroselle. Introduction à l'histoire des relations internationales. Paris, 1964.

Гоффмана (1960), Франкеля (1952), Падельфорда и Линкольна (1962), Дачека и Томсона (1960), Паркера и Перкинса (1953), Райта (1955), Палестона (1955), Страус Хюпе и Поссоны (1950), Фокса (1959). С полным основанием можно говорить о целой школе при всем разнообразии терминологии и аспектов.

Однако американская база теорий Р. Арона усматривается не только в академических и литературных традициях школы. В сущности к всемирно-историческому масштабу обобщений его привела та специфическая, «биполярная» (по его терминологии) ситуация, когда мировая политика в большой степени определяется наличием и противоречиями двух могучих держав — США и СССР. Эта ситуация и направляет социологическое мышление Р. Арона. При этом на «биполярность» он смотрит с одного из двух полюсов: с полюса американского. И этого было бы достаточно чтобы считать профессора Арона, по крайней мере как автора данной книги, лишь выразителем американских социологических идей, хотя бы и с французской кафедры.

История дипломатии и история войн, словом, история международных отношений, до сих пор оставалась наиболее описательной, фактографичной отраслью исторической науки, где обобщения касались более дипломатического и военного искусства, чем сущности самих международных отношений. Поскольку недоставало общей теории, постольку открывался простор для преувеличения личной роли отдельного дипломата, полководца, государственного деятеля. Труд Р. Арона и поставил вопрос, в какой мере здесь возможна генерализация, может ли социология вооружить историка (как и политика) «политикологией».

Скажу сразу же, что я сторонник поисков и создания такой общей теории. В этом смысле я согласен с Р. Ароном. Если существуют и успешно развиваются обобщающие социологические дисциплины о разных сферах общественной и исторической жизни — от теоретической экономики до социальной психологии, — то не может остаться чисто идеографической, регистрирующей индивидуальные факты вся сфера познания международных отношений и их исторического развития. Представляется необходимым существование такой социологической дисциплины. Однако не надо преуменьшать встающие на пути трудности. На мой взгляд, они огромны. Вряд ли такую новую дисциплину можно просто пристроить в качестве флигеля к той или иной социологической системе: неизбежно будет серьезно затронуто все здание любой социологии, будь то материалистической или идеалистической, если удастся выяснить неизвестные ранее законы, относящиеся к области взаимных отношений между государствами, нациями, народами.

Увы, в концепции проф. Арона удивительно мало действительно новых идей. Это систематика, а не открытие. Введены некоторые новые рабочие понятия и термины, например «конфигурация

соотношения сил», «гомогенные и гетерогенные системы», «биполярные и плюриполярные (мультиполярные) системы». Описаны некоторые категории и явления, относящиеся к сфере войны и внешней политики. Этот рабочий аппарат, вероятно, будет использован с теми или иными оговорками будущими создателями социологии международных отношений.

Попытка проф. Арона является шагом вперед в том смысле, что она служит отрицанием предшествующей попытки в данной области — немецкой геополитики. Методы и взгляды Р. Арона решительно противостоят всему духу геополитики и претензиям ее создателей на научность. Под этим углом зрения возникновение концепции Р. Арона, ее быстрое распространение, сам факт вынесения ее на обсуждение VI Международного конгресса социологов (в форме проблемы социологии международных отношений) представляют определенный прогресс⁴. Мы вполне солидарны с Р. Ароном в его отрицании геополитики. А само понятие социология международных отношений есть уже противовес геополитике: там — волюнтаризм, здесь — стремление к познанию объективных закономерностей. Мало того, можно сказать, что по своему политическому кредо геополитика устремлена к войне, тогда как социология международных отношений — к мирному сосуществованию; хотя бы и трактуемому как «продолговременный конфликт». К сожалению, проф. Арон, говоря о современности, приписывает лишь западным державам стремление искать мирные решения и урегулирование международных проблем перед лицом конфликта, а марксизму-ленинизму безосновательно приписывает тезис о неизбежности и благотворности войн, пока социализм окончательно не распространится по всей Земле. Не эта ли предвзятость и ложность актуальной политической позиции помешала профессору Арому достигнуть научной глубины в своем социологическом исследовании?

Эту неполноту и неудовлетворительность концепции Р. Арона я усматриваю в трех отношениях: 1) в пространстве, т. е. в географическом ограничении «международных систем» (за исключением современной); 2) во времени, т. е. в ограничении базы социологической теории фактическим материалом из одной исторической эпохи; 3) в ограничении сущности международных отношений стратегией и дипломатией.

Начнем с пространственного ограничения. В противоположность историкам, описывающим факты международных отношений исходя из политики отдельного государства или каждого участника конфликта, социолог идет от целого и видит в каждом государстве и его политике часть системы. Но, чтобы не оказаться в замк-

⁴ VI Международный конгресс социологов проходил с 4 по 10 сентября 1966 г. в г. Эвиан во Франции. См. «Вопросы философии», 1967, № 8, стр. 121—132.

нута́м кругу, социолог должен бы всегда исходить из предельно большого целого — из человечества. Тогда все границы между народами и государствами выступают в качестве внутренней структуры этого целого. Человечество состоит из тысяч народов и племен. Перед социологом стоит вопрос, насколько плотно сложено это целое из этих частей, можно ли, например, изъять любую часть, не потревожив и ближайши́е части и косвенно все целое; можно ли мысленно реконструировать любую изъятую часть но оставшемуся окружению, если допустить, что оно не трансформировалось от такого изъятия. По нравде сказать, историки никогда не задавались вопросом, насколько они уполномочены объективной действительностью изолировать историю отдельной страны от ее антагонизмов и притяжений с другими странами.

Несомненно, что эти антагонизмы и притяжения могут быть как прямыми и непосредственными, так и через посредство большего или меньшего числа промежуточных звеньев. Два народа или два государства могли в историческом прошлом объективно находиться в каком-то взаимном отношении, даже и не подозревая о существовании друг друга: между ними была цепная, непрямая, опосредствованная связь. Поэтому представляется неоправданным ограничить, как делает Р. Арон, понятие международной системы только теми государствами, между которыми существуют прямые регулярные сношения и прямой взаимный учет военной силы. Есть обширная область косвенных, подчас не сознаваемых действующими лицами зависимостей, без которых, однако, представление о системе остается неполным.

Нельзя не согласиться с проф. Ароном, что на самом дне отношений между государствами на протяжении целых исторических эпох мы находим соотношение и учет военных сил, т. е. отношения войны. Мирное время выступало как отсроченная или сбалансированная война. Дипломатия — как превентивное взвешивание военных угроз, наращивание военного могущества своей страны с помощью приобретения союзников, наращивание подобных же усилий противника. Война оставалась *ultima ratio* международных отношений. Справедливы замечания проф. Арона, что в прошлом все завоеватели, будь то монголы или испанцы, убивали и грабили, причем их хищность ничуть не зависела от политической гетерогенности, которая, напротив, усиливалась самой войной. Это заставляет думать, что войны были явлением, в социологическом смысле лежащим глубже, чем оправдывавшие их мотивы — политические, идейные и др. Впрочем, как увидим, сам проф. Арон отнюдь не доходит до таких выводов из своих наблюдений. Он и в малой мере не склонен рассматривать проблему: почему виду *Homo sapiens* на протяжении тысячелетий его эволюции было присуще в широких масштабах истреблять себе подобных? Но социология международных отношений проф. Арона по крайней мере подводит к другому обобщению: люди в истории могли на-

долго удерживать друг друга от открытой войны посредством взаимной угрозы, взаимного учета могущества и военной силы противников и целых противостоящих друг другу блоков. Соответственно военное принуждение заменялось дипломатическим убеждением. Но, может быть, допустимо сказать гораздо больше: что вся человеческая цивилизация росла как средство отодвинуть, отсрочить войну. В ходе истории развивались и возможности, и следствия уравнивания сил.

Далее, как сказано выше, слабостью концепции проф. Арона мне представляется фактическое ограничение им поля своего исследования во времени: книга «Мир и война между народами» в общем посвящена эпохе от 1945 г. до наших дней.

Правда, в книге рассеяно некоторое число примеров из истории международных отношений начиная от Пелопоннесской войны. Наполеон и Клаузевиц довольно часто всплывают в памяти автора. Мало того, в предисловии Р. Арон намекает, что, хотя книга его трактует преимущественно современный мир, она имеет некие более глубокие устремления. Однако фактом является то, что автор связал себе руки, пытаясь извлечь общесоциологические законы из пятнадцатилетнего отрезка истории, к тому же в высшей степени исключительного. Социология оказалась подчиненной политическим симпатиям и антипатиям и, соответственно, весьма обедненной в поисках объективных причин и общих законов. Помоему, всю историю международных отношений можно было бы разделить на три хронологические части. Первая охватывает отношения доклассовых племен и союзов племен, подобных американским индейцам; иначе говоря, первая эпоха охватывает время до возникновения таких «политических едипств» (по терминологии проф. Арона), которые по внутренней структуре представляют картину не едипства, а антагонизма классов. Вторая эра начинается в глубокой древности и охватывает почти всю писаную историю. Третья начинается с 1917 г., с появления в системе государств сначала одного, позже нескольких имеющих качественно новую внутреннюю структуру: без антагонистических классов.

Думается, что для открытия коренных законов социологии международных отношений первоначально надо исследовать вторую из названных частей мировой истории. Тогда окажется, что всякое классово-антагонистическое по внутреннему строению «политическое едипство» является в своей внешней политике потенциальным экспансионистом. Мы оставим сейчас в стороне анализ связи того и другого. Достаточно тезиса, что эта связь имеет всеобщий характер, т. е. не допускает мысли о каких-либо исключениях. Если таково общее правило, то останется лишь добавить, что эта потенциальная агрессивность была в конкретной истории по большей части либо парализована встречной агрессивностью, либо даже превращена в чисто оборонительную внешнюю политику. Но стоило ослабеть внешней угрозе, как такое государство

само начинало грозить тем или иным соседям. Это значит, что во всей прошлой писаной истории до 1917 г. не было государств или блоков государств, которые по самой своей природе говорили бы «нет» войне. Они все могли быть лишь вынуждены к миру.

Вот на этой исторической арене и надлежало сделать исходные обобщения социологии международных отношений. А уже после этого можно вносить в общий закон модификацию: картина стала существенно иной со времени появления в международной стратегической и дипломатической системе таких государств, внутренняя структура которых не имеет этой оборотной стороны. Их внешняя политика по внутренней природе, как правило, не может быть агрессивной и экспансионистской. Отнюдь не случайно, что именно эти государства предложили миру ясное и простое определение агрессии и что все остальные, несмотря на ясность, уклонились от определения агрессии и тем самым от ее осуждения.

Наконец, выше было упомянуто о неполноте самого понятия международных отношений в концепции Р. Арона. В его толковании международные отношения — это отношения межгосударственные в точном и узком значении этого слова. Их действующими лицами являются дипломаты и солдаты — только они и никто больше. Такое ограничение невольно сводит вопрос на юридическую почву, влечет автора от вопросов «войны и мира» к вопросам «права войны и мира».

Но изучение подлинной картины истории международных отношений, в частности в новой истории, убеждает, что необходимо внести по крайней мере два существенных дополнения. Во-первых, мы видим, что весьма важным инструментом международной политики является экономическое и финансовое давление. Если рассматривать дипломатию как смягченное средство воздействия на политических противников или укрепления союзных связей, то в наименьшей мере это можно сказать, например, о торговой блокаде и бойкоте, о предоставлении займов и других орудиях внешнеполитического воздействия. Во-вторых, в узкие рамки, предложенные проф. Ароном, не укладываются, скажем, отношения между метрополиями и колониями или подмандатными территориями. Огромная часть международных отношений ускользает таким образом из поля зрения социологии международных отношений только потому, что она не укладывается в форму равноправных отношений суверенных держав. Но ведь социолог должен бы обобщать подлинную историческую реальность, а она включает в себя и неравноправные международные отношения. Проф. Арон весьма неубедительно указывает выход из затруднения в том, что национально-освободительное движение, приобретя форму войны, может стать чем-то средним между гражданской войной и внешней войной или даже превратиться в межгосударственное отношение. Наконец, недостает в этой социологической теории и такой существенной стороны реальности, как разведка, шпионаж.

Вернемся к общему вопросу о возможности или невозможности на современном уровне науки разработать строго научную теорию социологии международных отношений. Глаз историка угадывает и усматривает эту возможность. Поэтому инициатива Р. Арона полезна и может стать плодотворной. Но самым главным пунктом наших расхождений в чисто теоретической плоскости является то, что проф. Арон назвал «исходным пунктом» в своей книге. Я имею в виду не слова Клаузевица, а философскую сущность его определения войны: «Война есть акт насилия, призванный принудить противника выполнить нашу волю». Итак, в основе социологии международных отношений оказывается «воля», вернее, множество и многообразие волей, желаний, борющихся между собой. Исходный пункт — субъективное начало. Проф. Арон дает весьма капитальную классификацию разных целей войны, встречающихся в анналах истории. Но он даже не ставит вопроса: почему, откуда, как появляются стремления политиков к распространению власти, славы или идеологии. Так социолог оказывается в плену волюнтаризма. Куда откровеннее заявил Фридрих II: сначала надо захватить чужую землю, а потом юристы придумают обоснование. Сам проф. Арон тоже местами вынужден отметить, что подчас мотивы и цели идут не впереди внешней политики, а подбираются для ее оправдания и пропагандирования. Но эти наблюдения — лишь дань непосредственности.

Инициатор создания специальной дисциплины — социологии международных отношений — сам признал, что она в его руках не обрела характера строгой науки, подобной, например, экономической теории. Он полагает, что это вообще недостижимо: «Не может быть общей теории международных отношений, сравнимой с общей экономической теорией». Этот пессимизм — плод ощущаемой самим автором шаткости и фундамента, и многих элементов его теории.

Знакомство с этим незаурядным плодом американской социологической мысли полезно для занятий советских историков и социологов общими законами и категориями истории международных отношений. «Политикология» в смысле Раймона Арона еще не родилась как наука. Но родилась как неотложная задача.

2. Мыслима ли история одной страны?

Надлежит рассмотреть, законна ли вообще в теоретическом смысле такая абстракция, как изоляция развития одной страны от окружающей ее исторической среды. Каждый историк знает, что это абстракция, ибо на самом деле обособленной страны не существует. Но в ходе исследований всякая наука прибегает к абстракциям, к мысленным моделям и упрощениям. Многие историкоты отвлекаются от тех сторон действительности, которые выходят за

пределы их специального исследования и описания. Скажем, рассматривая экономическую историю определенного места и времени, отвлекаются от идеологии. Отвлечение, абстракция есть оружие познания. Вопрос может идти лишь о том, с какого момента абстракция способна вести к заблуждению и порождать иллюзии. Например, историю идей можно абстрагировать от социально-экономической жизни, пока занимаешься установлением многих фактических данных. Но бывает и иллюзия развития идей только из самих себя. Такая мысленная модель уводит науку от познания к заблуждению.

Историки успешно пишут историю самых разных более или менее обособляемых ими общественных явлений: историю жизни одного человека (биографию), историю того или иного общественного движения, партии, класса или историю отдельного предприятия, колхоза, села, города, историю той или иной области или провинции. В старых сочинениях историков можно разыскать примеры рассмотрения таких объектов в почти полной изоляции от среды. Современный историк, напротив, во всех этих случаях главный логический акцент делает именно на общественно-исторической среде, детерминирующей судьбы данного избранного объекта. Но когда мы пишем историю страны, государства, народа, роль, приписываемая «внутреннему» и «внешнему», противоположна. Соответственно «внешнее» подключается в очень разной степени: оно может оказаться и вовсе элиминированным, может быть выделено в особые главы, подключиться на разных уровнях изложения, может быть очень кратким или более обширным. Историю одной страны можно поставить в связь то со всемирной историей, то только с историей ближайших соседей. Вот эти вопросы и требуют не только решения в каждом конкретном случае, но и теоретического анализа. Речь идет не о том, писать ли, изучать ли историю одной страны, а о том, как описывать и изучать ее взаимосвязь с лежащей за ее пределами исторической средой. Мыслима ли история одной страны самой по себе? Правомерно ли или до какой степени правомерно такая абстракция?

К тому же вопросу можно подойти с противоположного конца. Что следует понимать под всемирной историей? Являются ли по отношению к ней первичными истории отдельных стран, которые затем суммируются и связываются? Или всемирная история изучает и описывает свой собственный реальный объект, первичный по отношению к истории отдельных стран, сумма которых, следовательно, в известном смысле выступает как его внутреннее членение?

Когда редакционный и авторский коллектив работал над первой советской многотомной «Всемирной историей»⁵, мы нащупывали и тот и другой путь. В первых двух томах всемирная история

⁵ «Всемирная история» в десяти томах. М., 1955—1965.